

ЖИЗНЬ не те дни, что прошли, а те, что запомнились, — сказал писатель П. Павленко. Перефразируя эти слова, можно сказать, что сезон — это не те дни, что прошли, а те, что запомнились. А запомнились в этом театральном году многое.

Ощутимый вклад в актив подлинно-го к концу сезона внесли прежде всего писатели. Навсегда сроднились им душой с героями «Поднятой целины» М. Шолохова; Давыдовым, Нагульновым, Разметновым — главными сынами мартин, ее разведчиками и бойцами на одном из труднейших фронтов социалистического строительства — строительстве новой жизни в деревне. Это люди большого сердца и воли, люди, цель которых — борьба за высокий жизненный идеал, за человеческое счастье.

Герой, его судьба, раздумья, его борьба со всем, что мешает строительству новой жизни, — без этого не может существовать драматургическое произведение. В столкновениях раскрывается и вырастает героический характер, в преодолении трудностей мужает и закаляется человек. Так происходит в лучших произведениях мировой драматургии и в классических произведениях советской литературы и театра. С активными героями современности удалось нам познакомиться в этом сезоне и на сцене.

А сезон этот был особо ответственным. Творческие работники, сказавшие на исторических встречах с художественной интеллиген-

СОВРЕМЕННОСТЬ — ДУША ИСКУССТВА

цией в Кремле и юньском Пленуме ЦК КПСС, учитывайте прежде всего интересы народа. Правильное, гражданское страстное и поэтическое вдохновенное искусство нужно нам сегодня.

Повторяем, самый выбор ленинградских театрами известных произведений советской литературы: романа «Поднятая целина» М. Шолохова, романа Д. Павловой «Совесть», «Иду на грозу» Д. Гранина, «Семья Журбинных» В. Кочетова, «На диком берегу» Б. Полевого и других можно лишь приветствовать.

Разве не оставал незначительный след в нашей памяти главный герой романа «Совесть», скромный и обязательный инженер Василий Мартынов, который в трудный решительный момент оказался удивительно стойким и непримиримым борцом за подлинно высокую человечность, за восстановление ленинских норм партийной жизни? И разве скоро забудем мы духовного брата Мартынова, ученого Крылова, который в иные уже годы, в иной обстановке так же настойчиво и целеустремленно добивался своей цели, претворения в жизнь смелых и полетных, как мечты, научных открытий нашего времени. («Иду на грозу»). А руководитель Омьстрой Литвинов, человек старой ленинской закалки, горячего бес-

койного сердца, покрякующий своей удивительной душевностью к людям («На диком берегу»).

Через эпоху поднимают друг другу руки многие литературные герои одного духовного склада, благодородных порывов сердца, больших жизненных целей. Значительный характер, ясность позиции автора неизменно привлекают нас и в произведениях прошлого. И хорошо, что на сцене молодежного театра неутомимо разит своей шлягой все человеческие пороки пылкий ростановский Сирано-де-Бержерак, так взволнованный когда-то Горького.

Хорошо, что в Театре комедии жертва вопиющего произвола старой чиновничьей России Муромский измывает к мщению и справедливости («Дело» А. Сухов-Кобылина).

Мы не будем сейчас анализировать спектакли — это уже сделано на страницах газет. Нам интересуют принципы подбора пьес театрами в этом сезоне, их репертуарная политика.

Перебирая в памяти спектакли нынешнего сезона, мы вспомним с доброй улыбкой работников милиции, которая бережет наш покой, героев повести Ю. Семенова «Петровка, 38», до которой сделана и поставлена пьеса в Театре имени Ленинского комсомола. И мы, конечно, все

задумавшись над сложными человеческими отношениями, над извечными проблемами любви и моральной ответственности, посмотрев спектакль Театра имени Ленсовета по сценарию Ю. Дунского и В. Фрида «Жили-были старик со старухой». Мы не раз подивимся мужеству старого отца, которому выпал тяжкий жребий быть судьей своей дочери, забывшей об элементарных нормах уважения, долга перед семьей.

О сложных и интересных человеческих судьбах рассказал нам этот спектакль, и мы лишний раз убедились, как важно, чтобы на сцене была воспроизведена живая человеческая биография, чтобы перед нами прошли крупные вехи жизни героя, чтобы мы видели и ощущали его становление, рост, мужание.

Вот силу обстоятельств несколько человек — пассажиров самолета, возвращающихся из поездки за границу, оказываются изолированными на некоторое время от всего мира: командир, пилотирующий самолет, заболел легкой чумой, и пассажиры вместе с ним находятся в карантине в маленькой Беловодской больнице. Не исключена возможность печального исхода для всех.

Как же ведут себя люди в этой обстановке? Легкая истеричка кричит по телефону жене, чтобы она растащила сына достойным. За закрытой дверью рыдает старая жена доктора, предвещая всем гибель. Семнадцатилетняя девушка пытается прикинуть ад, как самая завравшая героиня мелодрамы. Позвоительно спро-

сит: к чему вся эта истерия, эти дешёвые, душераздирающие эффекты?

На сцене того же пушкинского театра клет пьесы со сходной драматической коллизией, но с другим, как ведет себя Дронов — герой пьесы С. Алешкина «Все остается людям», приговоренный врачами к близкой смерти. Вспомним его оптимизм, титаническую волю к жизни и творчеству, его жадное стремление до последней минуты быть на посту служения людям. Могут возразить, что у Л. Обуховой был иной замысел, очевидно, ей важно было показать как в момент большой опасности обжигаются до конца человеческие души, как пробуждаются их лучшие струны. Согласимся и с этим. Но тогда перед нами должны предстать герои, которые были бы нам дороги, которых мы успели бы полюбить, судьба которых нас взволновала бы и захватила. Почему, например, не ушли и не уйдут ли нашей памяти, и не только из памяти, но и из наших сердец, — такие герои пьес 30-х годов, поставленных в этом сезоне в Ленинграде, как арбузовская «Таня» и человек-легенда Олеко Дундич герой пьесы А. Ржевского М. Каша. Герой гражданской войны и скромная москвичка Таня — казалось бы, что между ними общего? Но судьба и становление Тани, ее

беспримерное мужество и подлинное мужание равносильным большому жизненному подвигу, смыкающемуся где-то с подвигом героическим. А главное, перед нами предстали живые люди, интересно и ярко выписанные авторами. К сожалению, таких интересных людей не встретили мы в «Ночи в Беловодске». Перед нами промелькнули случайные знакомые, которые не стали нашими близкими друзьями.

Продолжим наши аналогии. В непритязательной на первый взгляд лирической комедии Н. Думбадзе и Г. Лордкипанидзе «Я, бабушка, Илико и Илларион», идущей на сцене Академического Большого драматического театра имени М. Горького, есть сцена, похожая на одну из картин пьесы «Ночь в Беловодске». Здесь в купе поезда встречаемся случайные пассажиры; а пьесе Обуховой пассажиры знакомятся в кабине самолета. В первом случае обитатели купе даны через призму восприятия главного героя — юноши Зурко, судьба и внутренний мир которого нас уже захватили; во втором случае нас не затравливают и не волнуют интересы людей, с которыми автор не успела нас, по существу, познакомиться.

На сцене Театра комедии прошли три современные пьесы: «Автор неизвестен» П. Тура, «После двенадцати» Б. Рацера и В. Константинова и «Мост и скрипка» И. Дворецкого. К сожалению, доброго слова об этих пьесах не скажем.

Ну разве издогой сохранит наша память частный случай о том, как некий врач и учительница оказались жертвой интриг, сплетен и дикой реальности суарути врача только потому, что их абонементные места были рядом в одном из концертных залов («Автор неизвестен»). В назидание ревнивой супруге-мещанине автор и в самом деле в конце концов обжигает судьбу наших любителей музыки. Возможен такой случай? Очевидно. Несет он в себе зерна какой-либо важной, общественной и интересной проблемы? Думаем, что нет. И не случайно, слегка посмеявшись на спектакле, мы забываем о нем сразу же, переступив порог театра. И ужасно обидно, что коллектив, неизменно выигрывающий бой, когда берется за испытанное оружие классики («Дон Жуан», «Дело»), терпит поражение, соприкоснувшись с современной драматургией. Хочется упрекнуть театр в том, что он явно ослабил работу в своем творческом объединении, которое еще несколько лет назад, казалось бы, обещало богатый урожай комедийных пьес.

ЛЕТ ПЯТЬ назад мы радовались тому, что сломан лед равнодушия ленинградских драматургов к

потребности зрителей и театров, сломан и тронулся. На сценах театров появились пьесы «Рожденные в Ленинграде» О. Вергольтов, «Проводы белых ночей» В. Павловой, «Первый встречный» Ю. Прищева, «Случайные встречи» Р. Назарова и другие. Мы далеки от того, чтобы считать эти пьесы беспспорными удачами; они очень неровными. Дело не в этом. Драматургам, театрам, Ленинградскому отделению Союза писателей РСФСР важно было сохранить поднимавшийся было градус творческой температуры наших авторов.

Но этого не произошло. На ленинградской театральной афише — белые пятна там, где должны были значиться произведения ленинградцев. В ответственной сезон советского театра в целом наши драматурги продемонстрировали почти полную творческую пассивность. Лишь две пьесы ленинградцев появились в театрах — «После двенадцати» Б. Рацера и В. Константинова и «Вредный Фикс» И. Ефимова. Но обе они выше уровня средней, прикладной пьесы не поднимаются.

Разумеется, нельзя забывать, что самый жанр комедии диктует подчас несколько иную проблематику, а главное, стиль решения, чем в произведениях для драматического театра. Конечно, в комедии возможен облегченный (не будем бояться этого слова) подход к развитию сюжета, к персонажам. Но это опять-таки не исключает требования, что жизненный материал, положенный в основу комедии, ее герои должны быть интересны для нас, должны чему-то научить, открыть что-то новое.

В комедии же «После двенадцати» мы встречаемся с очень заурядными, мало волнующими нас героями. Таня, Володя, Игорь учатся, работают, любят, спорятся, мирятся, оставляя нас равнодушными. Поэтому и мысли, которые пытались нам втолковать со сцены о том, что в жизни и, в частности, в любви, надо всегда идти честными путями, повисает где-то в воздухе. Авторы не смогли создать живые комедийные характеры, которые вошли бы в нашу память. То же самое можно сказать и о «Вредном Фиксе».

Нет, мы не протаять того, чтобы на сцене детского театра бегали и проказили шустрые, озорные ребята. Мы за то, чтобы юным зрителям жизнь раскрывалась со сцены во многих ее сложностях и противоречиях. И таких спектаклей немало прошло и многого запомнилось на подмостках ТЮЗов. И разве мы скажем бы хоть одно слово осуждения мальчугану Фиксу, если бы вся его

буйная энергия, любые его проделки были одушевлены стоящей целью? Но разрушительная энергия мальчика направлена на то, чтобы посорить сестру Веронку с неким юношей, ибо всеведущий Фикс наслышан, что сей молодой человек будет воспитателем в их классе. И вот в течение двух действий мальчишки и девочки смотрят, как Фикс прячет письма влюбленных, задерживает спешащего на свидание юношу и т. д. и т. п. Чему научит их этот спектакль? К чему он зовет? Юношеский театр, как никакой другой, призван нести со сцены высокие идеалы, горючие чувства, будоражить и направлять неокрепшую юношескую мысль. Вместо этого зрителям показывали не слишком остроумный вариант чеховского «Злого мальчика».

После постановки «Вредного Фикса» ленинградские драматурги обсуждали пьесу и спектакль. Многие из них, не жалев темперамента, обрушились на пьесу и постановку. Спрашивается, а почему бы замысел будущей пьесы молодого автора не обсудить в доброжелательном товарищеском кругу на сессии драматургов Ленинградского отделения Союза писателей РСФСР (председатель сессии А. Минковский)? Конечно, заставить автора вместе с обсуждением свои предварительные замыслы труднее. Но почему бы сессия драматургов, существующая уже много лет, не попыталась в конце перестроить свою работу, перестроить не по формальному при-

знаку, а по существу — превратить ее в подлинно творческое сотрудничество, где каждый драматург находил бы умный, доброжелательный и искренний совет. Именно так произошло на одном из последних заседаний сессии, когда драматург Д. Алт расказал свои предварительные замыслы и получил немало полезных и интересных советов.

Разумеется, бываю такие стада работы художника, когда он может и должен быть только наедине с самим собой и своими героями. Но подлинный коллективизм, дружба, поддержка, творческое влияние на него и лично еще не мешали. И в наши дни прекрасным коллективизмом, коллективизмом — основа нашей жизни. Они должны быть прочнее и в творческой жизни театральных коллективов, сессии драматургов, партийной организации Ленинградского отделения Союза писателей РСФСР.

СЕЗОН в целом был довольно плодотворным. Театры отметили делом на ренции юньского Пленума ЦК КПСС, обратившись к лучшим произведениям советской литературы. Долг наших драматургов и театров — зародить белые пятна на Ленинградской театральной афише в будущий сезон (крик) им-сокружающимся пьесами о наших замечательных, ярких, пьесами, которые не только пройдут, но и запомнятся зрителям на многие, многие годы.

О. ПЕРСИДСКАЯ

О. ПЕРСИДСКАЯ

О. ПЕРСИДСКАЯ

О. ПЕРСИДСКАЯ

О. ПЕРСИДСКАЯ

О. ПЕРСИДСКАЯ

О. ПЕРСИДСКАЯ

О. ПЕРСИДСКАЯ

О. ПЕРСИДСКАЯ

О. ПЕРСИДСКАЯ

О. ПЕРСИДСКАЯ

О. ПЕРСИДСКАЯ

О. ПЕРСИДСКАЯ

О. ПЕРСИДСКАЯ

О. ПЕРСИДСКАЯ

О. ПЕРСИДСКАЯ

О. ПЕРСИДСКАЯ

О. ПЕРСИДСКАЯ

О. ПЕРСИДСКАЯ

О. ПЕРСИДСКАЯ

О. ПЕРСИДСКАЯ

О. ПЕРСИДСКАЯ

О. ПЕРСИДСКАЯ

О. ПЕРСИДСКАЯ

О. ПЕРСИДСКАЯ

О. ПЕРСИДСКАЯ

О. ПЕРСИДСКАЯ

О. ПЕРСИДСКАЯ

О. ПЕРСИДСКАЯ

О. ПЕРСИДСКАЯ